

ционеры 1990-х годов не только не мыслили диалектически, но и шли вопреки диалектике общественных процессов.

Будем рассчитывать на то, что диалектика, обладающая более весомым интеллектуальным и нравственным потенциалом по сравнению с синергетикой, будет и в дальнейшем овладевать умами людей, делать их интеллектуально полноценными, и, в конечном счете, служить выверенным инструментом их гуманной практической деятельности. Учиться мыслить, т.е. овладевать диалектическим методом – важнейшая задача студенческой молодежи.

Литература

1. Богданов, А. *Всеобщая организационная наука (тектология)*. Изд. 3-е, заново перераб. и доп. – Л; М. : Издательство «Книга», 1925. – Ч.1. – 300 с.
2. Ильенков, Э.В. *Философия и культура* / Э.В. Ильенков. – М. : Политиздат, 1991. – 464 с.
3. Кант, И. *Трактаты и письма* / И. Кант. – М. : Наука, 1980. – 709 с.
4. Садовский, В.Н. *Эмпириомонизм А.А. Богданова : опыт прочтения спустя столетие после публикации* / В.Н. Садовский // *Вопросы философии*. – 2003. – № 9. – С. 92–109.
5. Энгельс, Ф. *Анти-Дюринг* / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения: в 50 т.* – Т. 20. – М. : Госполитиздат, 1961. – С. 5–338.

ЦЕННОСТЬ И ПРИЧИННОСТЬ

Демидов А.Б.,

ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Слово «ценности» в обычной речи может означать привлекательные для людей предметы. Они могут различаться как ценности материальные и нематериальные. Они могут различаться по степени своей важности как ценности первостепенные и второстепенные.

Некоторые привлекательные предметы могут таить в себе неприятности и опасности. Так влечёт головокружительная пропасть, приманка в западне, наркотик, уверенность в своём сословном или национальном превосходстве. Поэтому вводится различие ценностей истинных и ложных, ценностей и антиценностей.

От того, что человек ценит выше многого или всего на свете, зависят его конкретные поступки и образ жизни в целом. Поэтому общество, окружающие люди безразличны к тому, каким ценностям привержены те или иные индивиды, обсуждают их, одобряют или не одобряют, стремятся обратить от ложных ценностей к истинным.

Стремление различать истинные и ложные ценности и наставлять других людей на истинные ценности существует, по-видимому, столько же времени, сколько существует человечество. Источниками и рассадниками влиятельных представлений об истинных ценностях изначально являются старшие (в семье, роду, социальной иерархии). Такие представления расходятся через молву, предание, т.е. миф. В крупных гетерогенных обществах мифы уже не способны обеспечивать единообразие представлений о ценностях. Тогда поверх или взамен них внедряются каноны, возвещаемые пророками и укореняемые религиозными организациями. Наконец, ещё один источник представлений о ценностях, стремящийся возвышаться над мифами, – философские рассуждения. Сократ и другие философы его эпохи выдвинули на передний план размышлений такие ценности, как истина, добро, красота, справедливость. В дальнейшем ведущая роль в установлении основных ценностей перешла к христианской религии, а философия при этом стала служанкой богословия. Наконец, в эпоху модерна «переоценкой

всех ценностей» занялась народившаяся позитивная наука вкупе с философией, ставшей преимущественно философией познания и науки.

Оставив «кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21), новоевропейская наука предприняла экспериментально-математическое познание мира. Разумеется, никакие ценности не попадались в понятийные сети естествознания, а попадались вещи, их отношения и такие свойства, как масса, скорость, импульс, тяготение. Познание свойств вещей даёт человеку возможность управлять вещами так, чтобы их взаимодействия приводили к желаемым последствиям и предотвращали последствия нежелательные. Выявление и изучение причинно-следственных закономерностей стало задачей новоевропейской науки. Результаты таких исследований и их практические применения – чудеса науки и техники – не перестают нас удивлять. Продвигаясь от простого к сложному, от изучения причин и следствий в механических взаимодействиях, наука дошла до исследования чрезвычайно сложных систем – живых, человеческих, социальных. Здесь причины механические, химические, физиологические недостаточны для понимания и объяснения причин и следствий. Но сама идея детерминизма неискоренима, без неё науки нет.

Понятие о ценностях породило «аксиологическую революцию» и «аксиологический бум» (1890-1930-е годы), как удачно выразился В.К. Шохин, автор монографии [3], которая даёт наиболее полное на сегодняшний день представление о зарождении, апогее и нынешнем состоянии аксиологии. В ценностях увидели причину, которая детерминирует как поведение отдельных людей, их образ жизни, так и явления культуры и всей социальной жизни в целом.

Оказалось ли понятие о ценностях действительно работоспособным в научном отношении, т.е. для установления причинно-следственных закономерностей? По меньшей мере, один пример производит благоприятное впечатление. Неокантианцы В. Виндельбанд и Г. Риккерт положили концепцию ценностей в основу учения о специфике социально-гуманитарного познания, собственно, убедили в том, что такое познание следует считать научным. Исследователь культуры в отличие от естествоиспытателя ищет не общее понятие и закон для явлений определённого рода, а индивидуальные и неповторимые события культурной жизни, которые отличаются своей особой значимостью, или ценностью. Он должен выделять такие явления не на основе своего субъективного вкуса и пристрастия, а путём соотнесения их с «общезначимыми ценностями», каковыми представляются истина, добро, красота (и ещё, может быть, святость). У историка, культуролога, в общем – гуманитария, как и у всякого истинного учёного, есть свой законный научный метод. Этот метод называется идиографическим, или индивидуализирующим, в отличие от номотетического, или генерализирующего метода естествоиспытателя.

Эта теоретическая разработка Виндельбанда и Риккерта представляется удачным решением наболевшей проблемы научной методологии. Слабым звеном в этом построении является понятие ценностей. Речь не идёт о вышеупомянутых привлекательных предметах, о которых справедливо говорят, что у каждого свои ценности. Речь – об «общезначимых ценностях», а они не суть предметы, вещи окружающего мира. Они не существуют, но только «значат». Ценность определяют через значимость, а значимым является ценное. М. Хайдеггер указал на кружение мысли между значимостью и ценностью [1, с. 71] и назвал ценность фальшивой монетой [1, с. 98]. По мнению Шохина, именно Хайдеггер нанёс «решительный удар по аксиологии как философской дисциплине [3, с. 11].

Ценности, о которых мы говорим в обычной жизни, – нечто зримое или хоть как-то представимое, но ценности аксиологов призрачны и неуловимы. Эти ценности не находятся в вещах в качестве их свойств; неверно думать, будто вещи притягивают нас своей ценностью: это мы стремимся к ним, а не они притягивают нас. Если ценности не принадлежат объектам, то, может быть, они лежат в нас, субъектах? Такой вариант тоже не годится: у нас есть ценностные чувства, есть воля, но мы стремимся

не к ним, а чему-то вне их. Если ценности не лежат ни в объекте, ни в субъекте, то, может быть, они суть отношения субъекта к объекту? Но такое отношение есть наше действие, которое является оцениванием, а не самой ценностью. Нигде нет ценности.

Самый решительный приговор о несостоятельности аксиологического понятия ценностей вынес немецкий исследователь Конрад Видерхольд: «понятие ценности по его смысловой структуре становилось так или иначе неисполнимым понятием (unvollziehbaren Begriff)» [4, S. 78]. Это понятие ничего не улавливает, не схватывает, хватает пустоту.

Добавим к этому заключение В.К. Шохина: «Аксиологические публикации переживают очередной бум.[...] Вместе с тем возрастающая популярность «прикладных» и «прагматических» аспектов аксиологии в современной культуре «компенсируется» снижением ее статуса среди фундаментальных философских дисциплин... Исследователи аксиологии констатируют серьезные проблемы, связанные с её «теоретическими каркасами», и методологический хаос, который царит в определениях самого понятия «ценность» и трактовке ценностных отношений...» [2 с. 67]

Слово «ценность» – западня, в которую попадает мысль. Она похожа на вентерь, в который рыба сама заходит, а потом бестолково кружит среди плетёных стенок, не находя выхода, хотя выход есть.

Литература

1. Хайдеггер М. *Время и бытие. Статьи и выступления* / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
2. Шохин, В. К. *Аксиология* / В. К. Шохин // *Новая философская энциклопедия: в 4 т.* – М.: Мысль, 2010. – Т. 1: А–Д. – 2010. – С. 62-67.
3. Шохин, В. К. *Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль: Монография* / В. К. Шохин. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 455 с.
4. Wiederhold, K. *Wertbegriff und Wertphilosophie* / Konrad Wiederhold. – Berlin: Reuther & Reichard, 1920. – VII, 86 S.

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СООТВЕТСТВИЕ ПРИНЦИПАМ «РЕАЛЬНОГО ГУМАНИЗМА»

Козлов А.В.,

УО Витебская ордена «Знак Почёта» государственная академия ветеринарной
медицины, г. Витебск, Республика Беларусь

Определяющую роль в формировании мира ценностных ориентаций молодёжи играет политическая система общества и, прежде всего, её ядро - государство. Цель исследования - раскрыть аксиологические основания государств, именуемых социально ориентированными, и выявить их соответствие принципам «реального гуманизма».

Вначале о понятии «реальный гуманизм». Впервые его употребил Карл Маркс в работе «Святое семейство, или критика критической критики против Бруно Бауэра и компании» [с. 1, 7, 146]. Он пишет: «Более научные французские коммунисты, Дезами, Гей и другие, развивают, подобно Оуэну, учение материализма как учение реального гуманизма и логическую основу коммунизма» [с. 1, 146]. Для реализации принципов «реального гуманизма» общество должно быть устроено согласно природе человека. В связи с этим в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Карл Маркс подчёркивает: «Такой коммунизм, как завершённый натурализм, = гуманизму, а как за-